

Фото № 44. А.Клингер – «Соловецкая каторга. Записки бежавшего», 1926 г., стр. 157, 163, 164

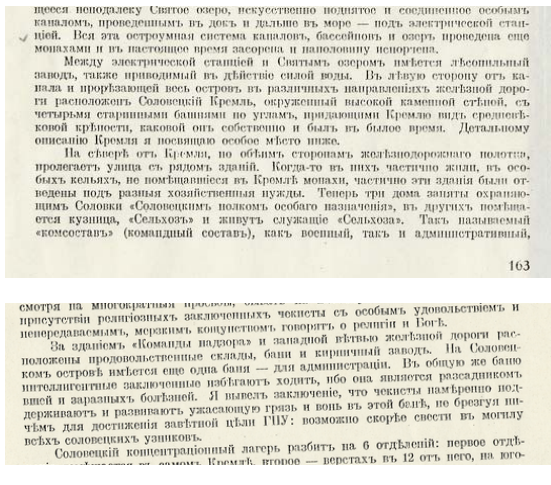

Фото № 45. Мих. Розанов – «Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922-1939 годы. Факты, домыслы, параша», 1979 г., титул

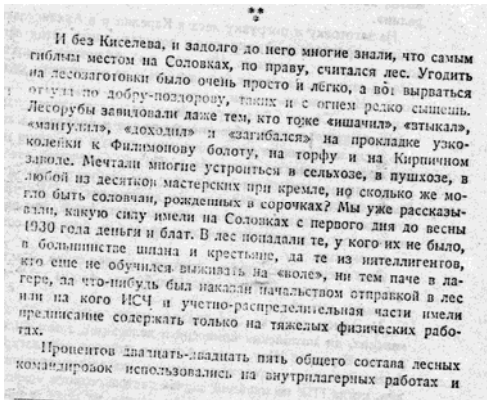

Фото № 46. Мих. Розанов – «Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922-1939 годы. Факты, домыслы, параша», 1979 г., стр. 146

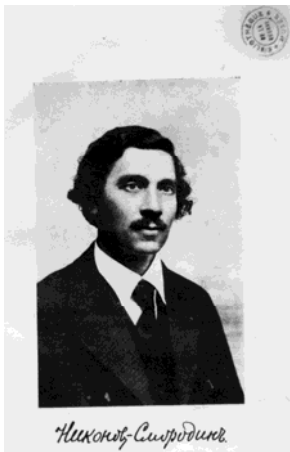
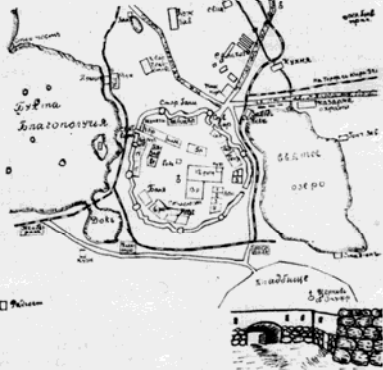

Фото № 48. М.З. Никонов-Сморodin, первые страницы книги «Красная каторга», 1938 г.

имѣли видъ приличныхъ гостиницъ: въ свѣтлыхъ кельяхъ жили всего по два, по три человѣка, спали на прекрасныхъ постеляхъ, питались въ особой столовой, имѣли право свободнаго хожденія по всему острову, не утруждались повѣрками. Напротивъ, двѣнадцатая рабочая рота помѣщалась въ кельяхъ Преображенскаго собора, на трехъ этажныхъ обихихъ нарахъ, питалась изъ общаго котла отвратительной пищей, хлѣбомъ изъ воночей трески. Заключенный двѣнадцатой роты могъ свободно выходить только въ уборную, не получая на руки пропуска, работая „безъ часовъ“, то есть пока велятъ, до полнаго измененія силъ, и лишентъ быть права обра-

КРЕМЛЬ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Схематическій чертежъ съ указаніемъ расположенія концлагерныхъ ротъ. Внизу — северная ворота — главный выходъ изъ Кремля

Фото № 49. М.З. Никонов-Сморозин, «Красная каторга», 1938г., стр. 109.

предъявляя стрѣлку привратнику документъ и мы вышли всею командою „за Кремль“.

Направо отъ насъ разстлалось Святые озеро, налѣво шла улица построекъ. Проложенная по ней желѣзно дорожная рельсы шли далѣе по пространству между Кремлемъ и Святыхъ озеромъ. Небольшой паровозикъ „кукушка“, шипя и гремя, тащила нѣсколько платформъ лѣсного груза къ закремлевской электрической станціи или лѣсопилкѣ. Съ улицы мы свернули къ лѣсу за Святые озеро. По лѣвую руку былъ лугъ,

на ходу? Не бржу-ли въ кошмарномъ полуснѣ?

Командированы мы были на торфоразработки. Трудъ насъ ожидалъ непомерно тяжкій. Торфяная машина дѣйствовала непрерывно и мы вынуждены были, успѣвая за нею, работать и работать безъ конца. Только на время передвижки вагонеточныхъ рельсовъ на новое поле сушки выпадалъ короткий вольный промежутокъ. Тогда мы бросались на землю и лежали, раскинувъ натруженные руки, безъ мыслей въ головѣ смотрѣли въ яркую синю ясного неба.

Вечеромъ насъ опять выгнали на „ударникъ по уборкѣ Кремля“, а днемъ опять на тяжелую работу на кирпичномъ заводѣ. Намъ пришлось возить кирпичъ сырецъ изъ сушиленъ въ печь. Тяжелыя тачки плохо слушались нашихъ неумѣлыхъ рукъ, то и дѣло срывались съ доски и перевертывались. Петръ Алексѣевичъ Зоринъ свалился вмѣстѣ съ тачкою въ канаву и лишился чувствъ. Его отправили въ лазаретъ, а мы продолжали свою тягостную работу.

Только двѣ ночи въ недѣлю мы спали по шести часовъ и почитали это за счастье.

Здѣсь я впервые на собственной шкуру испытать и окончательно понялъ смыслъ словъ „интернационалъ“...кто былъ,

Опять я иду по лѣсной дорогѣ мимо замерзшихъ зеркалъ озеръ. Навстрѣчу мнѣ попадается команда рабочихъ подъ конвоемъ. Я ужою съ дороги и жду пока команда не пройдетъ. Усталые и изможденные люди шагаютъ какъ автоматы. Вѣроятно, они работали на землянныхъ работахъ по проведенію желѣзной дороги на новыя Филимоновскія торфоразработки.

Грубый конвоиръ окидываетъ меня презрительнымъ взглядомъ и я чувствую, какъ у меня заняло сердце и побѣлѣли губы. Команда прошла, я поникнувъ головой иду дальше съ тоскою

Фото № 50. М.З. Никонов-Сморозин, «Красная каторга», 1938г., фрагменты стр. 116, 117, 146